

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 71 (3727)

Четверг, 13 июня 1957 г.

Цена 40 коп.

Молодость продолжается

РЕПОРТАЖ

«Славный труд основателей города Комсомольска, выдающийся пример патриотизма советского народа войдет в историю строительства социализма, как одна из ярких его страниц, — говорится в приветственном письме Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, которые горячо поздравили трудящихся Комсомольска-на-Амуре со знаменательной датой — 25-летием основания города. Центральный Комитет партии и Совет Министров выразили уверенность в том, что трудящиеся Комсомольска и впредь будут самоотверженно бороться за дальнейшее развитие промышленности и культурного строительства города, за претворение в жизнь решений XX съезда КПСС.

В связи с 25-летием города комсомольской славы мы помещаем ниже короткий репортаж из Комсомольска-на-Амуре.

Каждый, кто впервые придет сейчас в Комсомольск-на-Амуре, сразу же почувствует, что романтика стройки и жизни этого города давно выросла из рамок, которые отводило ей представление о корчевке тайги, первых шалашах и земляных болотных топках с непроглядными туманами гусса. Городу нынче уже двадцать пять лет, и знакомство с его перестройками мне порекомендовали начать с городского музея, там В. И. Ткачев, директор музея Кириллов Ткачев — сам участник и очевидец событий, происходивших тут четверть века назад...

И вот мы беседуем с Ткачевым. Разговор начинается с вопроса, который задает мне Ткачев:

— Вы город видели? Да, прежде чем прийти в музей, я несколько часов ходил по городским улицам, шел мимо огромных, давно обжитых домов, мимо магазинов с яркими, сверкающими витринами и кинотеатра, пестрящего рекламными плакатами, мимо скверов и парков, за оградами которых бегали скульптурные фигуры. А дальше — несколько хватало глаз — тянулись новые, поднимавшиеся корпуса домов с гигантскими стрелами подъемных кранов...

— А строить этот город начали так, — рассказывает Ткачев, — 159 огромных шалашей на три тысячи человек — без единого гвоздя. Впрочем, вот, посмотрите, беспроточные газетные отходы так действовали на комсомольцев, достает из стелы кипы переплетных, вытершихся газет. Я развинул одну, многоотражку «Амурский ударник» за 11 февраля 1933 года. Крупные буквы заголовка: «Изложение отчетного доклада секретаря комитета комсомола Т. Сидоренко на II комсомольской конференции строителей». Читайте один из первых абзацев:

«Подробно характеризую первый организационный этап, Т. Сидоренко перечисляет трудности, с которыми встретились комсомольцы (отсутствие жилья, столовой, пекарни, необходимой одежды, обуви и инструментов, текучесть, подрынная работа классового врага, хитрость отдельных товарищей, давление по землечастности и т. д.), рассказывает о героической борьбе за преодоление этих трудностей, за освоение тайги, за отвоювание площадки для промышленности, за сколачивание крепкой организации и, наконец, с юду — за право нанесения на карту нового социалистического города Комсомольска».

— Вот так и строили, — говорит В. Ткачев, — и землю копали, и камень в карьерах кайлом ломали, и цингой болели. Зато люди у нас получились

крепкие. Маресьев-то ведь тоже наш...

И вот уже вместе с другими посетителями городского музея, преимущественно молодежи (здесь их называют комсомольцами нового призыва), а с благоговением смотрю на необычные экспонаты: старые телеграммы, изданные слопы, рукописи, — они принадлежали тем, кто первым пришел сюда, пробивая себе путь в девственной тайге...

Комсомольцев нового призыва встречаешь здесь на стройке любого дома, а, кстати сказать, размах нового строительства в Комсомольске-на-Амуре огромен. Кажется, даже, что новостроек больше, чем отстроенных домов. И, разумеется, подавляющее большинство юной и девушки приехали в Комсомольск, обнятые теми же настроениями, тем же душевным и трудовым подъемом, которые 25 лет назад вели сюда перестроителей этого города.

В одном из общешкольных рассказов любопытную историю, ставшую, пожалуй, обычной. Большую группу комсомольцев, только что прибывших в Комсомольск-на-Амуре, привели к какому-то барану и велели складывать вещи. Все обрадовались: «Барак-то какой хороший! А мы дулмай, будем жить в тайге, в палатках!»

И меня уверили, что на лицах многих из новоприбывших можно было прочитать даже нечто вроде разочарования, когда получасом спустя их проводили в прекрасное общежитие, а барак оказался просто складом для вещей.

И, конечно, правильно говорил Ткачев: «Не для того мы 25 лет назад тайгу корчевали, чтобы сегодня они делали то же самое!»

Я побывал только что на строительстве политехнического института, разговаривал с комсомольцами бригады Павлюсюка, ребятами из Белоруссии. Они работают с увлечением, а по вечерам готовятся к поступлению в институт, который сами строят. А перед тем беседовал с девушками из Ростова, швейцарками по профессии, которые строят швейную фабрику, чтобы затем работать на ней. Такова традиция и поэтому только лучшие комсомольцы, отличные производящие себя на стройке трамвайной линии, поведут по городу первые трамваи...

Еще одна интересная деталь, характеризующая социалистическую жизнь города. На крыше одного из домов Комсомольска-на-Амуре я увидел телевизионную антенну, — увидев, но не поверил этому. Взглянул на крыши других домов — то же самое! Спрашиваю у своего спутника:

— Скажите, это антенна телевизионная?

— А вы разве не знаете? — удивился он. — Это дело рук наших любителей. Правда, наше телевидение еще не сравнится с московским, но оно есть — и это главное. Как говорится, лиха беда начало! ...Телевидение. Величественное здание Дворца культуры. Новые кварталы многоэтажных блочных домов, так называемых «Педагогический институт»... Заводы... Да неужто городу этому всего двадцать пять лет?

Да, именно так. Двадцать пять лет назад здесь, на берегу Амура, секретарь комитета комсомола Иван Сидоренко, павший потом смертью храбрых в боях за Советскую Родину, сказал:

«Наш отряд краснознаменной армии комсомола выполнит большевистское поручение партии. Знамя борьбы пролетариата и вооружим его как символ нашей победы на бетонных корпусах Амурского гиганта и домах нового социалистического города Комсомольска».

Замечательные слова, которые стали замечательной былью! **В. КОРЖИКОВ**
(КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ. По телефону)

«СОВЕТСКИЕ ГОСТИ ЗАВЕВАЛИ В СЕРДЦАХ ФИНСКОЕ ПРОЧНОЕ МЕСТО»

Визит Н. А. Булгакина и Н. С. Хрущева в Финляндию близится к концу. Миллионы финнов с радостью встречают советских гостей. Н. А. Булгакин и Н. С. Хрущев беседуют с представителями всех слоев финской общественности: с высшими официальными лицами и с профсоюзными руководителями, с директорами крупных акционерных обществ и с фабричным технорком Ульсом.

Энтузиазм, с которым простые финны приветствуют гостей, все более и более возрастает. Это вынужденно признавать находившиеся в Финляндии представители западных буржуазных газет. «Посетив Булгакина и Хрущева, финны сейчас все более теплым приемом в промышленных центрах и сельских районах на юге Финляндии», — пишет парижская «Франс-суар».

Советские гости, как подчеркнул Председатель Совета уполномоченных города Лахти П. Мустакала, «завоевали в сердцах финнов прочное место».

НА СНИМКЕ: Н. А. Булгакин и Н. С. Хрущев в усадьбе фермера Туомаса Пеура. Фото В. Егоров.

НА СЕССИИ В КОЛОМБО

ЗАПРЕТИТЬ ИСПЫТАНИЯ ВОДОРОДНОГО ОРУЖИЯ — ТРЕБУЮТ НАРОДЫ МИРА

В столице Цейлона Коломбо с успехом продолжается свою работу сессия Всемирного Совета Мира. Представители движения защиты мира — посланцы семидесяти с лишним стран, впервые собравшиеся на свою конференцию на территории азиатского государства, окружены всеобщим вниманием и радужным гостеприимством.

Сессия приняла следующий порядок работы: твердая повестка дня не устанавливается; делегатам предоставляется право выступать по разному вопросу, в которых выдвигаются дополнительные предложения. Однако, подчеркнул он, западные державы по различным причинам уклоняются от принятия этих предложений и одновременно провозглашают политическую силу, утверждая, что сохранение мира зависит якобы от ядерного оружия, и вместо запрещения ядерных испытаний и регистрации ядерных взрывов. Советский делегат высмеял эти нелепые предложения.

Он напомнил делегатам сессии также и об ответе Советского правительства на запрос группы депутатов Верховного Совета СССР, в котором еще раз подчеркивалась готовность Советского правительства к достижению соглашения о прекращении испытаний ядерного оружия, и подчеркнул, что советские сторонники мира решительно поддерживают эту позицию Советского правительства.

Говоря о том, что советские люди одобряют призыв Всемирного Совета Мира о прекращении испытаний, А. Е. Корнейчук указал, что эту идею поддерживают в настоящее время миллионы советских людей. За запрещение ядерного оружия выступают также ученые Советского Союза, которые вместе с видными учеными мира предупреждают об опасности атомных испытаний.

А. Е. Корнейчук призвал делегатов сессии бороться за то, чтобы государства соревновались между собой не на полигоне своих вооружений, а в области мирного экономического развития.

В заключение своего выступления, неоднократно прерывавшегося бурными аплодисментами, А. Е. Корнейчук заявил: «Мы, советские люди, боремся за мир с первых дней существования нашего социалистического государства, потому что основной наш строй является мирный труд народа, направленный на повышение жизненного уровня человека, его материальной и духовной культуры».

Так, несмотря на то, что война с гитлеровской Германией принесла нам неисчислимные бедствия и разрушения, мы за последние годы подняли уровень нашего сельского хозяйства на такую высоту, которая позволила выдающемуся деятелю нашего государства Н. С. Хрущеву, исходя из реальных фактов, призвать работников сельского хозяйства Советского Союза к соревнованию с самой крупной и богатой капиталистической державой, чтобы в самое ближайшее время — два-три года — догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения.

И чтобы пойти еще дальше по этому пути, мы призываем правительства великих держав прекратить соревнование в области вооружений и вызвать друг друга на соревнование в деле бескорыстной помощи слаборазвитым странам Азии, Африки, Южной Америки, Ближнего и Среднего Востока, не навязывая при этом никаких условий. Советский народ с радостью готов в этом благородном деле соревноваться с самым крупным капиталистическим государством — Соединенными Штатами Америки. И тогда народы мира смогут судить по делам, чем система лучше и кого можно назвать их верным и бескорыстным другом.

Вице-председатель Всемирного Совета Мира д'Астье де ла Вижери в своей речи сделал предложение, чтобы наша сессия Всемирного Совета Мира обратилась ко всем правительствам мира, чтобы они отменили смертную казнь за политические преступления и приняли соответствующий закон. Советская делегация уполномочила меня заявить, что мы поддерживаем это предложение, которое способствует в некоторой степени смягчению международной обстановки. При этом мы исходим из желания укрепить сплочение всех миролюбивых сил мира и расширить единство их действий. Позвольте вас заверить, дорогие друзья, что советские сторонники мира, а это значит все народы Советского Союза, не пожалели сил в борьбе за мир во всем мире, за добрую волю, дружбу и братство между всеми народами земного шара».

Единодушные и сплоченность

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

11 июня московские писатели на своем общем собрании обсудили итоги III пленума правления Союза писателей СССР. С докладом выступил председатель правления московской писательской организации К. Федин.

Подчеркнув значение прошедшего пленума для дальнейшего развития нашей литературы, для успешного решения вставших перед ней на новом историческом этапе больших и сложных задач, докладчик отметил критическую направленность дискуссии, в которой приняли самое активное участие представители братских литератур и русских областных писательских организаций.

К. Федин подверг в своем докладе критике одностороннее изображение действительности, которым страдает ряд произведений, опубликованных в журнале «Новый мир» и во втором сборнике «Литературная Москва». Обличая пометки и препятствия на пути создания нашего нового мира, некоторые писатели забыли о его новизне, и наш мир превратился у них в безнадежный Миргород Гоголя.

Если задуматься над природой допущенных ошибок, то следует указать на две причины, породившие их. Первая — разрыв между замыслом и выбранным писателем материалом. Вторая — это изумление перед встречным случаем и неумение установить его место в жизни. В этой связи следует напомнить замечательные слова В. И. Ленина, помогающие понять, в чем корень заблуждений некоторых писателей: «По одиночке бывает, конечно, в жизни все то, что «жукава», что описывает Винничено. Но соединить их все вместе и таким образом — значит наладить ушасы, пужать и свое воображение и читателя, «забивать» себя и его».

Остановившись на вопросах изучения истории советской литературы, докладчик призвал исследователей не отступать от принципов историзма. Не обходить никаких фактов истории, изучать и учитывать их во всей полноте, но определять точно их место и значение в литературном процессе. Писатели искренне рады восстановлению чести и литературной доброй славы некоторых ли-

тераторов, чья судьба сложилась трагически. Но нельзя же представлять, что волею или неволею обойденное в прошлом явление литературы становится непременно ее богатством теперь единственно потому, что было обойдено прежде.

Критику отдельных произведений, — закончил свой доклад К. Федин, — мы руководемся стремлением и надеждой улучшить писательское искусство, сделать так, чтобы общие силы художников помогли силе каждого из нас. Нет у нас сомнения в богатстве и мощи талантов. В московский отряд писателей мы все глубочайше верим, — это передовый, здоровый оптимистический заряд, незаменимый в литературе отряд. Давайте трудиться над подъемом идейно-художественного значения его в канун пятого десятилетия со дня победы Октября еще лучше, еще дружнее, чем работали истекшие славные сорок лет.

В развернувшихся после доклада прениях выступили Г. Марков, С. Михалков, П. Верингер, Э. Казакевич, Г. Тухачев, И. Макаревич, А. Софронов, С. С. Смирнов, Г. Семушкин, Н. Лесоческий и Ю. Чепурин.

Выступавшие говорили о насущных задачах нашей литературы, всегда верою служившей партии и народу, о необходимости укрепить наши идеологические позиции, смело атаковать врагов советского строя.

В условиях ожесточенной идейной борьбы, — отметил Г. Марков, — как никогда вырастает международное значение работы советских писателей в целом и каждого писателя в отдельности. Отмахиваться от нападок, делать вид, что ничего не происходит, — это ложная и вредная позиция. На каждый выпад буржуазной пропаганды мы должны отвечать тройным ударом. За рубежом у нас есть миллионы друзей — мы сильные их любовью и поддержкой, но там у нас и немало врагов, которые всегда готовы нанести нам удар.

Осуждая групповую позицию, занятую редколлегией сборника «Литературная Москва», критику ошибочную линию журнала «Новый мир», ораторы единодушно поддержали призыв III пленума — крепить единство писательских рядов на принципиальной, партийной основе.

«Мы ослабляем ли мы, — выразил эту мысль А. Софронов, — наш общий литературный фронт изурничательной групповой борьбой, раздорами, неумением по-советски прямо разговаривать друг с другом? Сейчас одна из самых важных задач — это задача не беспринципного примирения, а попытка в результате честного разговора на ясных идейных позициях найти все возможные пути для того, чтобы возлечь самых раздвоенных в одно общее дело. У всех нас должно быть одно желание: работать для Родины, для нашего народа, — и это самое главное».

Э. Казакевич в своем выступлении, а также М. Алгир и А. Бек, письма которых были оглашены на собрании, признали справедливой критику ошибок, допущенных редколлегией «Литературной Москвы», и заверили, что своей дальнейшей работой исправят эти ошибки.

«Все наши усилия, все внимание нашей писательской организации, — сказал Н. Лесоческий, — должны быть устремлены вперед, в будущее, ибо неосомненно, что советская литература сейчас стоит перед небывалым подъемом. Этот подъем не может не произойти, потому что он возникает на могучей основе героических деяний нашего народа, выполняющего грандиозные задачи, поставленные XX съездом Коммунистической партии».

Всемерно способствовать этому новому подъему литературы — таково было настроение собравшихся. Именно поэтому выступавшие с уверенностью говорили о том, что решения III пленума, поддержанные всеми писателями, дадут толчок их творчеству, окажут благотворное влияние на создающуюся сейчас книга.

На собрании много и горячо говорили о необходимости организации Союза писателей РСФСР, о том, что такой союз будет способствовать росту литературных сил в городах РСФСР, расширению творческих возможностей русской литературы.

В единогласно принятом решении отмечаются единодушные и сплоченные московских писателей, которые на всем протяжении истории советского общества ощущали себя верными помощниками Коммунистической партии в осуществлении ее великих целей.

ТЕБЕ, ФЕСТИВАЛЬ!

Молодежь торопит время, считая дни, оставшиеся до VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. И нет, кажется, сегодня города, села, института, завода, колхоза, где бы не думали о предстоящем фестивале, не готовились к нему.

Праздник молодости должен быть праздником таланта, выдумки, веселья, праздником цветов, красок, музыки. И вот все шире и шире разворачиваются предфестивальные конкурсы. Недавно подведены итоги одного из них — итоги конкурса на лучшую песню к Всесоюзному фестивалю молодежи и студентов, который будет предшествовать всемирной встрече молодежи в Москве.

Председатель жюри конкурса первый секретарь Союза композиторов Тихон Хренников в беседе с нашим корреспондентом рассказал: — Призыв к дружескому соревнованию композиторов и поэтов прозвучал несколько месяцев тому назад. С ним обратились в песенник подготовительный комитет по проведению Всесоюзного фестиваля молодежи. Это был широкий конкурс, в котором смогли принять участие как профессиональные, так и самодеятельные композиторы нашей страны. Жюри проделало большую работу: достаточно сказать, что на конкурс поступило, было прослушано и обсуждено около восьмисот песен. Мы, как правило, рассматривали те произведения, которые прошли предварительный отбор на республиканских, краевых и областных конкурсах, но бывало и так, что песни поступали прямо к нам и прослушивались наравне с рекомендованными. Нас, члены жюри, очень обрадовал размах конкурса. Большой «урожай» песенных произведений вынул нас вдвое увеличить количество премий композиторам-профессионалам: вместо трех песен в число победителей попало шесть. Мы не только увеличили количество премий, мы еще ввели дополнительно поощрительные награды. Их получили шесть композиторов-профессионалов и трое самодеятельных композиторов. Но не думайте,

что композиторы — участники самодеятельности получили только поощрительные награды: их произведения рассматривались отдельно, и три песни были также премированы.

Жюри, в которое входили наши известные композиторы и поэты, присудило первые премии композитору А. Никитову, А. Халинову и композитору участнику художественной самодеятельности Е. Кузнецову. Вместе с авторами музыки этот успех делят поэты В. Гурьян, Ю. Каменский и В. Бокор. Вторыми премиями отмечены песни композиторов К. Молчанова, А. Островского и участника художественной самодеятельности Г. Гранкина на стихи поэтов А. Досталя, М. Лисянского и А. Голубовского. Третьи премии получили композиторы З. Левина, А. Фаттах и участник художественной самодеятельности А. Жирнов вместе с поэтами С. Богомазовым, А. Ерикеевым и В. Бокорым.

Разнообразные по жанрам, национальной окраске и содержанию, песни — лауреаты конкурса будут изданы в сборниках, а также отдельно в виде листовок. Они будут раздаваться по радио. Лучшие из них будут выдвинуты на конкурс Всемирного фестиваля.

И пусть не огорчатся те, — сказал Т. Хренников, — кто не успел представить свои произведения на этот всеобщий смотр. Пусть конкурс окончен, но он будет продолжен в дни фестиваля. Нам нужно много, очень много хороших песен. И мы ждем их и от композиторов-профессионалов, и от композиторов — участников художественной самодеятельности.

Хочется думать, — сказал, заканчивая свою беседу, Т. Хренников, — что оживление песенного творчества, которое вызвано предфестивальными днями, поможет подъему этого важнейшего массового жанра. Наши композиторы-песенники много и справедливо упрекали за снижением творческой активности, за нетребовательностью к текстам, за односторонностью и потерей вкуса к поискам. Пусть же предстоящий фестиваль будет праздником песни! Молодежь поможет композитору, ибо она подхватит и запомнит только яркое и живое. Я надеюсь, что песни — победители конкурса полюбятся нашей молодежи.

Из стихов о Вьетнаме

Мустай КАРИМ

ПРИЕЗД ВО ВЬЕТНАМ

Тринадцать дней меня поезд вез,
Тринадцать тысяч проехал я верст.
У нас — лед и снег на каждом шагу,
И если застыли в белом снегу.

А здесь — прорастает зерно на лету,
А здесь — ольвы в белом цвету.

Тринадцать ночей меня поезд вез,
Тринадцать тысяч проехал я верст...

И понял я: расстояния — вздор,
Нет между нами ни рек, ни гор. —
Как будто к соседу зашел во двор
Я, перепрыгнув через забор.

Перевела с башкирского Елена НИКОЛАВСКАЯ

РАЗДУМЬЯ В ХАНОЕ НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Был ноябрь острый, и сразу брызнул сок,
И яблоко я пополам рассек.
Образовал я этим дух ребят,
И вспыхнул солнцем ясный детский взгляд.

Рука врага взяла кровавый меч,
Чтоб поглотить страну твою рассек.
Скажи, Нам Бо, скажи, из скольких глаз

Ты слезы льешь горючие сейчас?

О, люди, вы не станете терпеть,
Чтоб слезы землю заливали впрядь,
Чтоб землю ту, что так мы бережем,
Враг рассекал, как яблоко, ножом.

Ведь если волю дать его рукам,
Всю землю он расхочет по кускам,
Чтоб не могла разрезать мать на ней
Ни яблока, ни хлеба для детей.

Перевела с башкирского Ирина СНЕТОВА

С Н Е Г

Мы стоим под пальмою резной —
Даже камни расплавляет зной.

В этот жаркий, в этот тихий час
Говорит Суэн мне: «А у вас
Выпал снег?»

Как он, этот снег?
Снег — как кость слоновою, Суэн.
Снег — как сахар, может быть, белей,
Только зубы белые твои
С ним поспорят близкой своей.

А ведь в стужу лютой, Суэн,

Согревает землю белый снег.
...Если бы мне на сердце легла
Вдургу рука холодная твоя,
Знаю — судна твоего тепло
В тот же миг дочувствовал бы я...

Перевела с башкирского Елена НИКОЛАВСКАЯ

Я ВИДЕЛ ТВОЮ ВЧЕРАШНЮ СУДЬБУ

Вечерний Ханой. Над озером шум,
Лодки скрипят снастями.
Худой мальш с подносом идет,
Торгует малыш сладстями.

Товаров своих не украсит он
Пестрым, как ленты, словом,
Молча подает, молча продает,
Глянет противу солнца.

И видел я, как, подлив поднос
Кому-то прямо под самый нос,
Слоно проглотил мальчишка...

Богатый, красивый, сладкий Вьетнам,
Где свет и тепло и излучие, —
Сколько веков ты глотал слону,
Как этот худой мальчишка?
Перевела с башкирского Ирина СНЕТОВА

ДЕРЗАНИЯ ТЕАТРОВ

Проходя по улицам города Пензы, приезжий невольно останавливается у афиши.

Обычная театральная реклама. Но что такое? На ней рядом название пьесы «Дмитрий Калинин» и фамилия автора В. Г. Белинский. Пожалуй, не найдешь у нас человека, который не знал бы Белинского. Но разве Белинский был драматургом?

Те, кто специально изучает его творчество, знают, что 127 лет назад, в глухую пору крепостничества, еще будучи студентом Московского университета, Белинский написал драматизированное повествование, страстно обличающее крепостничество. Но это не было пьесой в нашем понимании слова. Это было именно взволнованное повествование, автор которого со всем пылом юности бросал тяжкое обвинение в лицо рабовладельцам и всему их классу.

«В этом сочинении», — писал Белинский в письме родителям, — со всем жаром сердца, пламеннейшей любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, я в картине довольно живой и верной представляю тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных».

Читаешь это повествование и убеждаешься, что это действительно живая и верная картина, в которой Белинский с юным еще умом, изобразил и воплотил в художественные образы реальную действительность и обобщил, да еще как обобщил, свои детские и юношеские впечатления. Но произведение это явно писалось не для театра. Если бы его поставили в том виде, в каком оно написано, зрителю пришлось бы, не покидая зала, сидеть часов пять-шесть. Да и мог ли автор, при всей своей юношеской неопытности, мечтать, что в России его времени найдется театр или хотя бы какая-нибудь любительская труппа, которая рискнула бы поставить такое произведение.

Драматическое повествование было рассчитано на чтение и действительно читалось, действовало на умы и даже так обогатило в свое время властителей, что студент Виссарион Белинский за это вольнолюбивое произведение был исключен из университета.

С тех пор ни один театр даже не попытался обратиться к этому произведению. И вот за решение трудной задачи взялся Пензенский драматический театр. Творческий коллектив его, готовясь к сокращению Советской власти, решил дерзнуть и, сделав собственными силами из драматизированного повествования пьесу, вывести на сцену образы, созданные в юности их великим земляком.

Нелегко, очень нелегко это было дело. Нужно было, чтобы текст автора, сокращенный, но не искаженный, приобрел живую и действенную сценическую форму. Нужно было убавить произведение вторичное и нарушить при этом сюжетную канву. Успешное решение этой трудной задачи еще раз и, на мой взгляд, очень убедительно свидетельствует, какими огромными возможностями и каким высоким мастерством обладают у нас периферийные театральные коллективы.

Театр подарил советскому зрителю не только яркий, страстный спектакль, — он подарил искусству горячую гуманистическую пьесу, которая открывает перед нами одну из мрачных страниц не так уж чтобы очень далекого прошлого нашей страны, еще раз напоминает зрителю, какой гигантский путь прошли советские люди под руководством коммунистов за сорок лет Советской власти.

Из драматического повествования, рассчитанного на чтение, получилась романтическая трагедия, которая заставляет зрителя волноваться, переживать, наполняет сердца жгучей ненавистью к крепостникам, к царскому строю.

Успеху спектакля содействовал и автор сценической редакции, он же режиссер Ю. Юровский, художник Г. Елинина, написавший для спектакля лаконичные и выразительные декорации, и, конечно, коллектив актеров, представляющий перед зрителем единым, дружным, хорошо сыгранным ансамблем.

Суть пьесы кратка такова. В доме богатого либерального барина Десниного воспитывается вместе с его детьми сын крепостного лакея Дмитрий Калинин. Юноша жаждет до знаний, способен, яркий, он куда более благороден в своих душевных движениях, чем его сводные братья — баричи, лентяи, невежды, изувеченные в мать, отчаянную крепостницу. Дмитрий Калинин любит дочь помещика Софью, хорошую и простую девушку, отвечающую ему взаимностью. Они мечтают о браке, и брак этот не кажется невозможным, ибо Дмитрий — человек уже вольноотпущенный, образованный, просвещенный. Но внезапно умирает старый помещик. Его вдова и сыновья, ненавидящие Дмитрия, уничтожают отпущенную грамоту. Дмитрий снова раб. Его любимую грозят силой выдать за князя Бизова, старого развратника, полурасулина. Дмитрию же предлагают как лакея прислуживать за столом на их свадьбе.

Все это разрешается жестокой драмой. Оскорбленный Дмитрий убивает одного из баричей, попадает в тюрьму, бежит, убивает свою любимую и гибнет сам, посялая последнее проклятие всему тому, что сделало одних людей рабами, других господами, одним дало все богатство, другим, лишь всего, обрекло на муки.

Разумеется, этот поверхностный пересказ не передает всех драматических коллизий пьесы. Она гораздо сложнее, богаче, и театр интересно воплощает ее образы.

Очень выразителен актер Е. Егоров в трагической роли крепостного человека Дмитрия Калинина. С тактом и с простотой изображает Л. Лолицкая Софью. Она ведет эту трудную роль, успешно преодолевая риторику текста, внося подку-

В мартовском цехе завода «Азовсталь» еженедельно выпускается сатирическая стенная газета «Крокодил». На сцене: режиссер А. Яценко (в центре), артисты: артист Я. Генкин (редактор), начальник цехового лагера Ф. Осипов, мастер различного участка П. Емельяненко, малер Г. Куценко и раздатчик Ф. Гусев. Фото П. Каштеля

пьющую человечность в рисуемый ею образ и этой человечностью смягчая мелодраматизм некоторых сцен.

С трагической силой актер П. Кирсанов играет старого слугу, особенно в сценах второго акта, где старый человек возвращается с конюшни после порки. Несколько слабее ведет роль барыни Десниной актриса З. Знаменская. Ее Десниная — это какая-то помесь Сатанички с Простаковой, что-то очень знакомое по другим постановкам. Для этого образа ни режиссер, ни актриса не нашли новых характерных красок.

Не будем разбирать детали спектакля. Несмотря на отдельные недочеты, он явно удался. Он уже давно идет в Пензе, и с неизменным успехом. А весной был показан и в Москве. Вместе с москвичами, сидевшими в зале, я от души одобрял коллективу театра, воскресившему на сцене это малоизвестное произведение.

Но успех инсценировки и постановки «Дмитрия Калинина» ценен и показателен, как мне кажется, не только сам по себе. Он снова продемонстрировал очень радостное и яркое явление в жизни советского искусства — интенсификацию творческую наших многонациональных периферийных театров, работу которых столький зритель, к сожалению, все же еще мало знает.

Радостно, что Пензенский театр в своих исканиях не одинокий, что, привезя в Москву этот давно и с успехом идущий в Пензе спектакль, он лишь продолжил уже сложившуюся отличную традицию. До него, например, в этом направлении начал работать отличный коллектив театра неаполитанского индустриального города Джержинска Горьковской области, который недавно привозил в столицу свою новую работу — «Поднятую пелену».

Характерно ли это? Вот уже сколько лет чудесное шолоховское произведение является одной из самых любимых книг советского народа. Но до сих пор театром не удалось инсценировать его. И вот за это дело берется периферийный театр, и мы видим уже на сцене давно нам знакомых, давно полюбившихся шолоховских персонажей.

А в Калинин мне довелось видеть пьесу актера Калининского театра П. Званцова о советской интеллигенции, о коммунистической морали, о партийной этике. Не знаю, как она выглядела бы на сцене других театров, но в Калинин, любовно поставленная труппой, в которой уже много лет играет сам ее автор, она встречалась с неизменной теплотой.

Сейчас, при остром недостатке хороших, боевых современных пьес, такая инициатива коллективов театров периферии, как кажется мне, заслуживает всяческого внимания критики, зрителей и поощрения со стороны министерства. Это живое свидетельство того, что советское театральное искусство растет не только в столице, но и по всей советской земле.

РОСТ

Если попробовать кратко охарактеризовать сегодняшнее состояние молдавской прозы, то придется сказать, что самым подходящим словом было бы слово «рост».

Растут прежде всего ряды прозаиков. Первые повести и рассказы И. К. Чобану, И. Друца, А. Лунан, В. Властаря, во многих отношениях еще не совершенные, являются все же свидетельством того, что в молдавской литературе появилось талантливых писателей с уже четко намеченной художественной индивидуальностью.

У И. К. Чобану явственно проступает энциклопедическая линия, он рисует обширные картины жизни. Его энергичные герои менее склонны к внутренним монологам и более к действию, их характеры проявляются, главным образом, в острейших столкновениях. И. Друца зарекомендовал себя как мастер короткой зарисовки. Он любит закончить фразу, освещенную в портрете незлобным юмором, лукавой иронией или разоблачительным сарказмом. Стиль Анны Лунан характеризуется активным «оценочным» отношением автора к героям и событиям. Этим, возможно, и объясняется, что большинство ее рассказов написано от первого лица. Отсюда и теплота, задуманный лиризм, а иногда, наоборот, пружины иронии.

Есть в творчестве молодых прозаиков и много общего. Все они черпают темы из жизни села, будь то недавнее прошлое или нынешние дни. Их герои — это крестьяне, простые люди, которые еще не так давно батрачили на кулаков и помещиков или бесплодно проливали пот на своем клочке земли, а сегодня строят новую жизнь.

Частносоциологическая психология, порожденная веками эксплуатацией и угнетением, нравы и обычаи, взаимоотношения в семье, принципы морали, дружбы, любви — все это подвергается коренной ломке в новых условиях жизни. Все это становится социалистическим. Но этот процесс протекает не гладко: жизнь развивается в ожесточенной борьбе нового со старым. Отсюда и зарождение острых конфликтов. Вниманием к острым драматическим положениям, серьезным поворотам в жизни человека и народа и отличаются произведения названных молдавских прозаиков.

Сложным путем формирования гражданского самосознания простого человека посвящен роман И. К. Чобану «Колырь». Первая часть романа — красочная фреска о жизни молдавского народа в канун 1940 года, в последний период оккупации Бессарабии румынскими помещиками и капиталистами.

Живо нарисованные образы героев, обладающих превосходным колоритным, самобытным языком, острейшие сюжетные ситуации, обширные картины народного быта, всегда связанные с основной темой, а представляющие собой чистую «эпопею», — все это позволило автору создать волнующее, историчное и человечески убедительное повествование.

Как известно, в центре самых жгучих интересов широких крестьянских масс в оккупированной Бессарабии была борьба за землю, за политические права, за свободу. В 1917 году бессарабские крестьяне завладели большей частью помещичьих угодий. Насильно отторгнув Бессарабию от молодой страны Советов, румынские помещики отбрали у крестьян землю, с кровавой свирепостью подавляя всякое сопротивление. Прелюбуяная «аграрная реформа» была, по сути дела, экспроприацией крестьянства. Лишенное инвентаря, тягла, семян, изгнанное с наиболее плодородных земель, опутанное сетями налогов, прямыми и косвенными, терроризированное административной властью и жандармами, обманутое разными буржуазными партиями, ограбленное

и И. К. Чобану, «Колырь», роман. Журнал «Октябрь» (Винница), № 11, 12, 1956. Журнал «Днепр», № 1, 2, 1957.

и И. Друца, А. Лунан, В. Властаря, во многих отношениях еще не совершенные, являются все же свидетельством того, что в молдавской литературе появилось талантливых писателей с уже четко намеченной художественной индивидуальностью.

У И. К. Чобану явственно проступает энциклопедическая линия, он рисует обширные картины жизни. Его энергичные герои менее склонны к внутренним монологам и более к действию, их характеры проявляются, главным образом, в острейших столкновениях. И. Друца зарекомендовал себя как мастер короткой зарисовки. Он любит закончить фразу, освещенную в портрете незлобным юмором, лукавой иронией или разоблачительным сарказмом. Стиль Анны Лунан характеризуется активным «оценочным» отношением автора к героям и событиям. Этим, возможно, и объясняется, что большинство ее рассказов написано от первого лица. Отсюда и теплота, задуманный лиризм, а иногда, наоборот, пружины иронии.

Есть в творчестве молодых прозаиков и много общего. Все они черпают темы из жизни села, будь то недавнее прошлое или нынешние дни. Их герои — это крестьяне, простые люди, которые еще не так давно батрачили на кулаков и помещиков или бесплодно проливали пот на своем клочке земли, а сегодня строят новую жизнь.

Частносоциологическая психология, порожденная веками эксплуатацией и угнетением, нравы и обычаи, взаимоотношения в семье, принципы морали, дружбы, любви — все это подвергается коренной ломке в новых условиях жизни. Все это становится социалистическим. Но этот процесс протекает не гладко: жизнь развивается в ожесточенной борьбе нового со старым. Отсюда и зарождение острых конфликтов. Вниманием к острым драматическим положениям, серьезным поворотам в жизни человека и народа и отличаются произведения названных молдавских прозаиков.

Сложным путем формирования гражданского самосознания простого человека посвящен роман И. К. Чобану «Колырь». Первая часть романа — красочная фреска о жизни молдавского народа в канун 1940 года, в последний период оккупации Бессарабии румынскими помещиками и капиталистами.

Живо нарисованные образы героев, обладающих превосходным колоритным, самобытным языком, острейшие сюжетные ситуации, обширные картины народного быта, всегда связанные с основной темой, а представляющие собой чистую «эпопею», — все это позволило автору создать волнующее, историчное и человечески убедительное повествование.

Как известно, в центре самых жгучих интересов широких крестьянских масс в оккупированной Бессарабии была борьба за землю, за политические права, за свободу. В 1917 году бессарабские крестьяне завладели большей частью помещичьих угодий. Насильно отторгнув Бессарабию от молодой страны Советов, румынские помещики отбрали у крестьян землю, с кровавой свирепостью подавляя всякое сопротивление. Прелюбуяная «аграрная реформа» была, по сути дела, экспроприацией крестьянства. Лишенное инвентаря, тягла, семян, изгнанное с наиболее плодородных земель, опутанное сетями налогов, прямыми и косвенными, терроризированное административной властью и жандармами, обманутое разными буржуазными партиями, ограбленное

и И. Друца, А. Лунан, В. Властаря, во многих отношениях еще не совершенные, являются все же свидетельством того, что в молдавской литературе появилось талантливых писателей с уже четко намеченной художественной индивидуальностью.

У И. К. Чобану явственно проступает энциклопедическая линия, он рисует обширные картины жизни. Его энергичные герои менее склонны к внутренним монологам и более к действию, их характеры проявляются, главным образом, в острейших столкновениях. И. Друца зарекомендовал себя как мастер короткой зарисовки. Он любит закончить фразу, освещенную в портрете незлобным юмором, лукавой иронией или разоблачительным сарказмом. Стиль Анны Лунан характеризуется активным «оценочным» отношением автора к героям и событиям. Этим, возможно, и объясняется, что большинство ее рассказов написано от первого лица. Отсюда и теплота, задуманный лиризм, а иногда, наоборот, пружины иронии.

Есть в творчестве молодых прозаиков и много общего. Все они черпают темы из жизни села, будь то недавнее прошлое или нынешние дни. Их герои — это крестьяне, простые люди, которые еще не так давно батрачили на кулаков и помещиков или бесплодно проливали пот на своем клочке земли, а сегодня строят новую жизнь.

Частносоциологическая психология, порожденная веками эксплуатацией и угнетением, нравы и обычаи, взаимоотношения в семье, принципы морали, дружбы, любви — все это подвергается коренной ломке в новых условиях жизни. Все это становится социалистическим. Но этот процесс протекает не гладко: жизнь развивается в ожесточенной борьбе нового со старым. Отсюда и зарождение острых конфликтов. Вниманием к острым драматическим положениям, серьезным поворотам в жизни человека и народа и отличаются произведения названных молдавских прозаиков.

ПРОСВЕТА

душой стремится к осуществлению нового общественного порядка — коллективизации. Опять нас разует искристым народным юмором «чертов сын» Тома Вешка, который и от скандала доброго молдавского вина не откажется, и в работе подбодрит, и похвалит вовремя умеет, и острым словом отстает, точно крапивой, за всякие старые повадки. С большим интересом следим мы за деятельностью «бунтовника» Дикусара, старшего председателя сельсовета.

Мы видим, как он с помощью партии организует людей, и хоть и ошибается порой, все же с неустанной бдительностью стоит на страже завосанного.

Новые жизненные принципы, новые отношения среди людей, пробуждение в них самосознания и чувства человеческого достоинства явственно проявляются в образе учителя Морару. В прошлом человек честный, но наивный, запятанный среди четырех стен своего домика, по уши погруженный в мелочные, сугубо личные заботы, человек, руководившийся принципом: «чье до политики дела нет», он теперь втягивается в общественную жизнь, пробуждается от спячки, сбрасывает с себя кожу безразличия, становится активным строителем советских порядков. С начала войны мы уже видим его рядом с Илею Жямэна на партизанском тропе.

И вот — фашистское нападение, война. В трагических столкновениях первых дней войны, в часы тяжелой борьбы народной похвалит автор своих героев, метко, уверенно (хотя, может быть, по сравнению с эпизодами мирной жизни и недостаточно психологически подробно) наносит последние штрихи характеров.

Возвращаясь все шайка оккупантов. И каждый из них спешит выплеснуть на свет божий то, чем дышит. Вышел из тюрьмы Киран, теперь он бродит повсюду со своей бандой, ищет «товарищей», чтобы прикончить их; тишайший гибнет от рук врагов не успевая эвакуироваться Дикусар; Лари рыщет по городу, чтобы пожить в «коо-чех» в квартирах убитых и эвакуированных; Ратой горячо принимается за «очищение» нации: аресты, допросы, пытки, массовые расстрелы...

Жямэна, чудом избежавший гибели, берет за топор и уходит в горы, в намереваясь бросить его в вальцы мельницы Миллера. — тогда он не знал о существовании иного пути борьбы. Теперь ему этот путь известен...

Мы начали говорить о сегодняшней молдавской прозе вообще, а остановились на романе И. К. Чобану потому, что в нем, как нам кажется, отчетливо выразились общие сильные ее стороны. Правдивым, реалистическим, национально-самообразным изображением жизни отличается и творчество других молдавских прозаиков.

После XX съезда КПСС в Молдавии, как и по всей нашей стране, наблюдается заметное оживление писательской деятельности. Вышли в свет или проходят стадии редактирования новые крупные произведения прозы — произведения П. Друца, А. Лунан, А. Липканя, С. Шляху, М. Каланы, А. Козмеску, Я. Кутковецкого, Л. Барского и др.

Несомненно, сегодняшняя молдавская литература состоит не только из книг удачных, появляющихся у нас и произведений, ошибочные по идее и слабые по мастерству. Но главное не в ошибках...

Настойчивые поиски, утверждение настоящего, глубокого, реалистического видения жизни, без приукрашивания и без нигилизма, стремление писателя к совершенствованию своего мастерства — все это свидетельствует, что писатели Молдавии стоят на верном пути социалистического реализма, говорят об их творческом росте. Тому пример — роман «Колырь».

И. Друца, А. Лунан, В. Властаря, во многих отношениях еще не совершенные, являются все же свидетельством того, что в молдавской литературе появилось талантливых писателей с уже четко намеченной художественной индивидуальностью.

У И. К. Чобану явственно проступает энциклопедическая линия, он рисует обширные картины жизни. Его энергичные герои менее склонны к внутренним монологам и более к действию, их характеры проявляются, главным образом, в острейших столкновениях. И. Друца зарекомендовал себя как мастер короткой зарисовки. Он любит закончить фразу, освещенную в портрете незлобным юмором, лукавой иронией или разоблачительным сарказмом. Стиль Анны Лунан характеризуется активным «оценочным» отношением автора к героям и событиям. Этим, возможно, и объясняется, что большинство ее рассказов написано от первого лица. Отсюда и теплота, задуманный лиризм, а иногда, наоборот, пружины иронии.

Есть в творчестве молодых прозаиков и много общего. Все они черпают темы из жизни села, будь то недавнее прошлое или нынешние дни. Их герои — это крестьяне, простые люди, которые еще не так давно батрачили на кулаков и помещиков или бесплодно проливали пот на своем клочке земли, а сегодня строят новую жизнь.

Частносоциологическая психология, порожденная веками эксплуатацией и угнетением, нравы и обычаи, взаимоотношения в семье, принципы морали, дружбы, любви — все это подвергается коренной ломке в новых условиях жизни. Все это становится социалистическим. Но этот процесс протекает не гладко: жизнь развивается в ожесточенной борьбе нового со старым. Отсюда и зарождение острых конфликтов. Вниманием к острым драматическим положениям, серьезным поворотам в жизни человека и народа и отличаются произведения названных молдавских прозаиков.

Сложным путем формирования гражданского самосознания простого человека посвящен роман И. К. Чобану «Колырь». Первая часть романа — красочная фреска о жизни молдавского народа в канун 1940 года, в последний период оккупации Бессарабии румынскими помещиками и капиталистами.

Живо нарисованные образы героев, обладающих превосходным колоритным, самобытным языком, острейшие сюжетные ситуации, обширные картины народного быта, всегда связанные с основной темой, а представляющие собой чистую «эпопею», — все это позволило автору создать волнующее, историчное и человечески убедительное повествование.

Как известно, в центре самых жгучих интересов широких крестьянских масс в оккупированной Бессарабии была борьба за землю, за политические права, за свободу. В 1917 году бессарабские крестьяне завладели большей частью помещичьих угодий. Насильно отторгнув Бессарабию от молодой страны Советов, румынские помещики отбрали у крестьян землю, с кровавой свирепостью подавляя всякое сопротивление. Прелюбуяная «аграрная реформа» была, по сути дела, экспроприацией крестьянства. Лишенное инвентаря, тягла, семян, изгнанное с наиболее плодородных земель, опутанное сетями налогов, прямыми и косвенными, терроризированное административной властью и жандармами, обманутое разными буржуазными партиями, ограбленное

и И. Друца, А. Лунан, В. Властаря, во многих отношениях еще не совершенные, являются все же свидетельством того, что в молдавской литературе появилось талантливых писателей с уже четко намеченной художественной индивидуальностью.

У И. К. Чобану явственно проступает энциклопедическая линия, он рисует обширные картины жизни. Его энергичные герои менее склонны к внутренним монологам и более к действию, их характеры проявляются, главным образом, в острейших столкновениях. И. Друца зарекомендовал себя как мастер короткой зарисовки. Он любит закончить фразу, освещенную в портрете незлобным юмором, лукавой иронией или разоблачительным сарказмом. Стиль Анны Лунан характеризуется активным «оценочным» отношением автора к героям и событиям. Этим, возможно, и объясняется, что большинство ее рассказов написано от первого лица. Отсюда и теплота, задуманный лиризм, а иногда, наоборот, пружины иронии.

Есть в творчестве молодых прозаиков и много общего. Все они черпают темы из жизни села, будь то недавнее прошлое или нынешние дни. Их герои — это крестьяне, простые люди, которые еще не так давно батрачили на кулаков и помещиков или бесплодно проливали пот на своем клочке земли, а сегодня строят новую жизнь.

Неоправданное высокомерие

Читая рассказ Николая Горбунова «Ошибки» (Монолог профессора), опубликованный в № 2 «Нашего современника» за 1957 год, испытываешь странное ощущение: с нами, как будто впервые, беседует советский профессор-географ, бывший моряк, пришедший в науку через рабфак, а кажется, что видишь перед собой давнего знакомого — чеховского профессора Николая Степановича «записки» которого воспроизведены в «Скучной истории»...

Действительно, странно: и обстоятельства жизни обоих ученых совершенно различны, и другие персонажи «Ошибки» и «Скучной истории» имеют между собой мало общего, а эмоциональная окраска этих произведений, настроения, их приносящие, выводы, к которым они толкают, оказываются в чем-то существенном очень похожими.

Правда, к нашему удивлению читателя, Василию Ивановичу (от его лица ведется рассказ в «Ошибке») свойственны и черты, заставляющие вспомнить Мартина Пиева с его тоской по тому времени, когда он был моряком и гулякой, и бесповоротным разочарованием в буржуазной цивилизации, на вершине которой он оказался... Но это, естественно, еще больше запутывает читателя, вынужденного, в конце концов, задать себе вопрос: а был ли вообще Василий Иванович?

Посудите сами: «полуседой, угатый и бледный», подводит он итог своей жизни: «Дель скверные! Вместо свежего ветра, далеких горизонтов и кипучей общественной работы — нечто кустарное, кабинетное, узкий круг Семенов Петровичей, погоня за авторитетом, охрана самого себя, дружеские услуги и уступки. И борьба друг с другом, война с горькой примесью самолюбия и денежных интересов».

Оказывается, вся беда в том, что наш профессор когда-то, лет 25 назад, «сбился с прямого, морского пути» и «попал на чужую дорогу, на узкую тропинку и забрел в болото...», то есть в науку. В этом и заключается «ошибка» Василия Ивановича.

Б тому же он в своей жизни прошел мимо одной девушки — с ней у него было всего «несколько встреч и три-четыре пустых разговора», но образ Лиды постоянно тревожит память нашего «видного ученого».

Да и неудивительно! Само время оказалось необычайно милостивым к Лиде. Случайно через много лет столкнувшись с ней и лишь мельком взглянув на эту «пожирую женщину», Василий Иванович видит

ров. Это человек, живущий прошлым и называющийся мечтающий в пятьдесят лет о чудесном возвращении тех ощущений и переживаний, которые он испытал в двадцать. Но свою собственную вину он перекладывает на чужую голову, на науку. Такую трусость в борьбе за передовую науку сделалось сатирически осмеять, а Н. Горбунов лирически приподнял своего «героя», заставил его всерьез сокрушаться по поводу своей «ошибки» и на малейший намек не опроверг его истерики по поводу состояния нашей науки.

Замечательный русский ученый А. Н. Бах, сыгравший в свое время заметную роль и в революционном движении, писал, что в те годы в его душе «возник конфликт между «долгом» (то есть революционной деятельностью. — Я. З.) и стремлением уйти всецело в науку». И только труд на благо советского народа и государства разрешил этот конфликт, ибо творчеством полновластного ученого не знает противоречия между жизнью и наукой, оно само по себе служит революционным общественным делом. Советский ученый владеет «общей идеей» — марксистско-ленинским мировоззрением.

Конечно, у нас в науке еще немало оторванных от жизни догматиков, людей, застрявших на прошлых заслугах, равнодушных делая, а также «светодоксов» — бездельников, пытающихся прикрыть собственную научную несостоятельность, невежество и бездарность критикой других, людей с пустыми глазами и деревянными лицами. Но всем им с каждым днем становится все более тесно, с них все более успешно срывают маски ученых.

Я не хочу вовсе сказать, что Н. Горбунов выдумал все то, что получило отражение в его рассказе, или что он руководствовался какими-либо сомнительными намерениями. Нет, по-видимому, он полагал, что выступает против бесприличности и дельчества в науке, и отправляясь при этом от каких-то конкретных наблюдений.

Однако верное идейное побуждение приносит свои плоды только в том случае, если оно найдет опору в глубоком знании жизни. Только в этом случае идея органически включается в сложное явление внешнего мира, в мировоззрение писателя и плодотворит художественные образы. В данном же случае такая опора отсутствовала, и наша наука оказалась отраженной в криком зеркале несприятливых и пошлых суждений Василия Ивановича.

Стоило ли, однако, столь подробно останавливаться на довольно вялом и беспорядочно надуванном рассказе?

Да, во-первых, рассказ этот появился в альманахе, самое название которого указывает на то, что задаток его является отразить думы, чувства, деятельность «нашего современника», очертив стоящие перед ним злободневные задачи. И в этом же выпуске альманаха, и в предшествовавших ему были помещены содержательные и острейшие материалы, касающиеся внедрения выводов науки в жизнь. Тем более непонятно появление здесь «Ошибки».

Во-вторых, и это гораздо более существенно, нельзя сказать, что рассказ этот — просто-напросто случайное явление в современной литературной жизни. К сожалению, в нем в известной мере сказались те нездоровые тенденции, которые обнаружались за последние время в некоторых произведениях нашей литературы и были вскрыты на третьем пленуме правления Союза писателей.

Существенная сторона этих тенденций — неумение передать поэтичность и красоту повседневного, «будничного» труда советского человека. Ни учеба героя, ни его научная деятельность, несмотря на несколько вольнолюбивых громких фраз и отговорок, не вызывают у автора «Ошибки» поэтического воодушевления.

И Н. Горбунов не одинокий в этом отношении. Напомним помпезный во втором сборнике «Литературной Москвы» рассказ «Хазарский орнамент» Юрия Нагибина. Рассказ этот уже подвергался критике, но некоторые его стороны при этом не затрагивались. В рассказе Ю. Нагибина выведен некий Леонтий Сергеевич, физически сильный, смелый и надежный человек, но «раз и навсегда испуганный» и пугает себя объяснением характера Леонтия Сергеевича, его психологического склада и жизненного пути. Ю. Нагибину кажется, что одна найденная им деталь добавляет его от всех такого рода работ.

Он лишь сообщает, что Леонтий Сергеевич «в науке» выбрал область, бесконечно далекую от живой жизни: он изучал древний хазарский орнамент». Значение эти детали подчеркнута и названием рассказа.

По-видимому, Ю. Нагибину полагает, что формальная справка о том, чем занимается ученый занимается, способна служить исходной чертой характеристикой его. На самом деле такая уверенность очень наивна. Изучение «хазарского орнамента», как и работа в каждой узкой и специальной области науки, способны привести к подлинно большому открытию, обогащающему духовную жизнь человечества. Все дело в том, как, с какими позициями ведется

исследование. Конечно, чем дальше поле изучения от современности, тем легче оторваться от жизни и стать бескрылым эмпириком. Но и наиболее близкая тема сама по себе не гарантирует от схоластики.

Что же касается «хазарских орнаментов», то достаточно напомнить о широко известной, увлекательнейшей и глубоко поэтической книге академика И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями». Из нее мы узнали, например, как расшифровка «бронзовых табличек из страны царити Савской» стала одним из многих путей развития и укрепления международной роли нашей азиатистики, науки, столь актуальной в наше время.

Ю. Нагибину следовало бы задуматься: владеет ли Леонтий Сергеевич «общей идеей», способен ли он ввести и «хазарский орнамент» в духовные просторы нашей жизни? В этом направлении и нужно было искать ключ к характеру этого персонажа, а не ограничиваться пренебрежительным упоминанием «хазарского орнамента» как воплощения незаметной, якобы неуловимой научной работы.

Конечно, в активе нашей литературы имеется целый ряд произведений, сумевших воплотить поэзию научной мысли. Роман Леонида Леонова пролинул мощным пафосом науки о лесе, труде советского лесовода, вдохновенного благороднейшей мечтой и глубоким чувством «социалистической преемственности поколений». Зарождение и созревание молодой научной страсти поэтически зарисовал Александр Шаров в «Путешествие продолжения». Обаяние духовной жизни нашего студенчества передала Елена Успенская в «Нашем дете».

Но много поэтических страниц научного творчества и учебы советских людей не раскрыто еще литературой. И особенно обидно, когда писатель, касаясь темы, способной обладать большим поэтическим звучанием, проходит мимо этих потенциальных возможностей. Так, один из серьезных идейно-художественных пороков романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» заключается в том, что самое обильное запечатлелось в нем, что самое поэтическое ореола. «...Новая универсальная машина для отливки чугуна труб любой формы — длиной до шести метров», изобретенная им, воспринимается в романе как техническое, а не художественное явление. Не труд советского изобретателя, а мелодраматически выстроенные страдания одиночки стали художественным фокусом произведения.

Стоит задуматься над тем, почему В. Дудинцев не справился с задачей, ко-

торую решил Митчел Уилсон, рисовавший научные искания изобретателей в условиях антагонистических общественных отношений Соединенных Штатов и тем не менее сумевший достичь того, что изобретение братьев Маллори приобрело художественную убедительность и эстетическую прелесть.

В канун открытия сессии Всемирного Совета Мира в Коломбо редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду общественных деятелей разных стран мира с просьбой ответить на следующие три вопроса:

1. Как в Вашей стране претворяются в жизнь решения Берлинской сессии Бюро Всемирного Совета Мира?

2. Какие группы, организации или деятели в Вашей стране присоединились за последнее время к движению сторонников мира?

3. Чего Вы ждете от сессии Всемирного Совета Мира в Коломбо?

Сегодня мы продолжаем публиковать полученные редакцией ответы.

Наложить общественное вето!

1. По призыву Советского комитета защиты мира советские люди вновь демонстрируют свое стремление к миру, свою неуклонную поддержку предложений о полном запрещении производства и применения атомного оружия, а также настаивают на заключении соглашения о запрещении его испытания в качестве одного из первых шагов на этом пути.

На днях Советский комитет защиты мира подвел первые итоги начавшейся в мае в СССР кампании за запрещение испытаний атомного и водородного оружия. О полнотном всенародном размахе этой кампании говорят сообщения, поступившие из союзных республик, краев и областей. Многочисленные митинги состоялись на заводах, фабриках и учреждениях, в учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Киева, Алма-Аты, Ташкента, Таллина, Тбилиси, Еревана, Риги и других городов СССР.

Крупнейшие специалисты — физики, химики, биологи, медики — публично обсуждают вопрос о степени опасности испытаний ядерного оружия, содеявляя свой голос с голосами многочисленных ученых других стран, которые также предупреждают об опасности испытаний для здоровья людей.

Советский комитет защиты мира вступил в контакт с многими деятелями борьбы за мир в других странах, чтобы сообща распространять гуманные идеи предотвращения атомной войны.

2. Весь наш народ уже давно в головном отряде этого движения. Советский народ вместе со своим правительством последовательно и решительно борется за мир с момента создания Советского государства. Сейчас советский народ, безоговорочно поддерживая позицию Советского правительства относительно запрещения испытаний ядерного оружия, обращается ко всем прогрессивным силам всего мира с призывом преградить путь силам реакции, угрожающим миру. Кампания за безотлагательное прекращение испытаний ядерного оружия продолжается по всей нашей стране.

3. В Коломбо на сессии Всемирного Совета Мира находится представительная делегация советских сторонников мира. Мы не сомневаемся, что наша делегация выразит на сессии волю к миру всего советского народа, идущего в авангарде борьбы за мир и ныне обеспокоенного систематическими отказами правительства Соединенных Штатов Америки и Англии заключить соглашения, могущие стать реальными шагами на пути к полному устранению атомной угрозы.

Мы идем от сессии в Коломбо нового вклада в дело борьбы за мир и уверены, что эта встреча активных сторонников мира приведет к еще большему сплочению всех сил, поставивших себе задачу наложить общественное вето на атомное оружие.

МОСКВА

Движение протеста ширится

1. На Ваш вопрос: «Как выполняются в Англии решения Берлинской сессии Бюро Всемирного Совета Мира?» я могу дать отрицательный ответ. Еще до Берлинской сессии в Англии развернулось такое широкое и активное движение протеста против испытаний

Д. Н. ПРИТТ,
председатель Английского
комитета защиты мира

Участники демонстрации в Лондоне требуют немедленного прекращения атомных испытаний. Демонстранты воздвигли на головах черные конусы, символизирующие водородные бомбы. На плакатах — надпись: «Прекратите испытания водородной бомбы».

Снимок из французской газеты «Юманите»

ядерного оружия, какого на протяжении многих лет не вызывали в нашей стране самые опасные явления, не считая разве суэцкой авантюры.

Многие религиозные организации и руководители церкви, а также организации защиты мира поддерживают этот протест, и таким образом, когда широкая публика узнала о берлинских решениях, она была уже готова приветствовать их и проводить в жизнь. Тот политический курс, на котором основаны берлинские решения, поддерживают сейчас лейбористская партия (правда, она пришла к этому после колебаний и конфликтов, явившихся наглядным проявлением как отрицательных последствий «коллаборационистской» внешней политики лейбористов, так и силы новых тенденций в партии, преодолевающих эти последствия), а также либеральная, коммунистическая и кооперативная партии, конгресс тред-юнионов, кооперативное движение, Ассоциация друзей Объединенных Наций, множество религиозных и пацифистских организаций, организаций сторонников мира.

Формы деятельности этих столь различных организаций весьма многообразны: тут и отправка правительству петиций с множеством подписей, и принятие резолюций, организация митингов и демонстраций в городских и сельских местностях, и массовое посещение избирателями членов парламента, и «караулы» женщин в траурных одеждах, выстраивающихся у дверей палаты общин. Все эти мероприятия находят очень широкий отклик.

2. Что касается вопроса о том, кто из английских деятелей за последнее время примкнул к движению сторонников мира, то хотя формально ответ мой будет менее определенным, по существу он тоже отрицательный. Нельзя сказать, чтобы к движению примкнули многие видные деятели, презревшие досадный и нелепый «запрет», который лейбористская партия наложила на английский Комитет защиты мира. Однако все больше видных деятелей, в особенности ученых и руководителей церкви, активно включаются в борьбу, причем некоторые из них — впервые в жизни. К числу таких ученых относятся профессор Ротблат, Пенроуз, Хэддом, Дж. О. Джонс и Кэтлин Лондсей, а из религиозных деятелей — епископы Манчестерский, Чичестерский и Ковентрикийский. В ходе борьбы против испытаний ядерного оружия, о которой я рассказывал выше, естественно, растет число активных ее участников.

3. Отвечая на вопрос о том, чем мы идем от сессии в Коломбо, я надеюсь прежде всего на значительное усиление кампании борьбы против ядерного оружия во всем мире. Эта великая сессия будет проводиться на земле миролюбивого народа Цейлона, на миролюбивом азиатском континенте и недалеко от Японии, сама история которой велит ей возглавить кампанию против атомного оружия. Народы западных стран, обуреваясь заявлением группы ученых Западной Германии, 2 тысяч ученых США и готовностью СССР согласиться с запрещением испытаний, будут стремиться сыграть как можно большую роль в этом вопросе.

ВОКРУГ СЕССИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА В КОЛОМБО

В то же время мы надеемся, что по тем же самым причинам сессия в Коломбо будет способствовать всеобщей кампании за разоружение. Сессия в Коломбо заставит мир признать большую и конструктивную роль, которую, несомненно, играют азиатские страны в деле защиты мира.

Развеять гнетущую атмосферу!

Решения Бюро Всемирного Совета Мира, принятые на последней сессии в Берлине, нашли широкий отклик в Бразильском народе. Бразильский народ заинтересован в борьбе против обострения «холодной войны», за смягчение напряженности и заключение соглашения о разоружении.

Гнетущая атмосфера подготовки войны мешает общению народов мира и затрудняет экономический и культурный обмен. Эти нездоровые тенденции международной обстановки ощущаются и в Бразилии в форме усиленного давления со стороны американского империализма, в ухудшении условий жизни всего народа, в открытых угрозах демократическим свободам и в актах нарушения этих свобод. Бразильское правительство передало американскому правительству Фернандо-де-Норонья в Атлантическом океане для создания на нем базы управляемых снарядов. Этот шаг, предпринятый правительством вопреки общественному мнению, вопреки мнению самых различных партий, бросает нашу страну в водоворот нового, все осложняющегося международного конфликта.

Бразильский народ хорошо понимает, что этот позорный акт поставил нашу страну перед угрозой войны, привязал ее к военной колеснице американского империализма. Народ также понимает, что отступая Вашингтону острова Фернандо-де-Норонья открывает путь новым посяблениям американской вооруженной на нефть и военные базы на северо-востоке Бразилии. В связи с этим в стране развернулась широкая кампания, охватывающая самые разнообразные слои населения независимо от их политических взглядов. Люди требуют от правительства пересмотра его внешнеполитической ориентации и проведения в жизнь политики независимости и нейтралитета. Основным этапом этой кампании является борьба за передачу решения правительства об островах Фернандо-де-Норонья на рассмотрение парламента, где оно может быть отменено.

Бразильский народ требует, чтобы правительство не участвовало в военных блоках, создаваемых Соединенными Штатами Америки, и строило отношения со всеми странами на основе равноправия.

Глубокое стремление к национальной независимости, охватившее всю страну, — это, несомненно, самый конкретный и осязаемый факт в нашей политической жизни. Развернувшаяся сейчас кампания включает требование положить конец испытаниям ядерного оружия путем достижения соглашения между великими державами. В настоящий момент любая кампания в Бразилии неизбежно связана с широчайшим движением бразильского народа в защиту своих природных богатств, целостности своей территории и за независимую внешнюю политику и нейтралитет.

Бразильский народ возлагает большие надежды на сессию Всемирного Совета Мира в Коломбо. Самый факт проведения сессии на Цейлоне, в Азии, дает основания надеяться, что будут серьезно обсуждены проблемы неравноправия и колониальных стран.

Поскольку же проблемы ряда азиатских стран во многом напоминают те, что стоят перед Латинской Америкой, мы надеемся, что сессия в Коломбо сможет дать нашему народу ценное идейное оружие борьбы за независимую внешнюю политику и нейтралитет. За осуществление этой политики борется бразильский народ, поэтому именно ее будет защищать бразильская делегация в Коломбо, перед людьми, съехавшими туда со всех концов земли, защищать, чтобы сохранить мир и заклеить войну.

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

В Советском Союзе по приглашению Советского комитета защиты мира гости большой делегации финских сторонников мира. В ее составе — представители различных слоев населения Финляндии: рабочие, земледельцы, художники, артисты, режиссеры... Сейчас делегация финских сторонников мира находится в Ленинграде. Накануне ее отъезда корреспондент «Литературной газеты» посетил финского писателя Инто Каллио, находящегося в составе делегации, и беседовал с ним.

— Они все более крепнут и оживляются, — так ответил Инто Каллио на просьбу рассказать о культурных связях между Финляндией и Советским Союзом. — Нельзя не приветствовать этого. Все чаще и чаще мы знакомимся с прекрасными достижениями в области культуры. Одно из последних таких знакомств состоялось во время посещения нашей страны посетителем Большого театра Союза ССР. Нашим культурным связям суждено расти и крепнуть — ведь у них есть свои многие традиции. Уже многие десятилетия пользуется неизменной любовью финских читателей русская классика — Пушкин, Л. Толстой, Достоевский, Чехов, Горький. В последние годы, — продолжил Инто Каллио, — у нас было издано много книг советских писателей. Большая заслуга в деле их распространения принадлежит издательству «Канкан издательство», которое высылало произведения советских авторов, написанные не только после войны, но и раньше в 20-е—30-е годы. Так, скажем, им был издан «Телемент» Ф. Гладкова. Телер книги советских писателей в хороших переводах выпускаются уже многими издательствами. Недавно вышли «Тихий Дон» М. Шолохова и «Первые радости» К. Федина.

Финские театры охотно ставят пьесы русского классического репертуара. Наши зрители хорошо знакомы с драматургией Гюго и Чехова, рабочий театр в Тампере показал инсценировку по роману Достоевского «Преступление и наказание», пользуется популярностью постановка пьесы «Лес» Островского. Впрочем, обо всем не рассказывать. Добавлю лишь, что произведения Прокофьева и других советских композиторов нередко исполняются у нас, в Финляндии, и что мне приятно было увидеть в Третьяковской галерее оригиналы тех картин, репродукции с которых я видел на выставке у себя дома, — это была встреча со старыми знакомыми.

Мне хочется высказать несколько пожеланий относительно дальнейшего развития культурных связей между нашими странами. Надо, чтобы к нам чаще приезжали советские артисты, деятели советского искусства. Ведь интерес к многообразной культуре нашей страны у нас неистощим, — стоит вспомнить «Бои», которые шли за билетами на русский балет. Мне тогда так и не удалось побывать в театре. Лишь сейчас, во время пребывания в Москве, я познакомился с замечательным искусством наших мастеров балета. И еще одно пожелание: мне как писателю хотелось бы наладить связи между финскими литераторами, пишущими о рабочем классе, и советскими карельскими писателями. Я надеюсь, что такие связи будут скоро установлены.

Инто Каллио рассказал затем о современной финской литературе.

— Наша литература развивается в основном в русле реализма, но далеко не все финские писатели могут быть названы художниками-реалистами в лучшем, активном понимании этого слова. У нас немало литераторов, которые хотя и пишут о реальной действительности, на деле далеки от жизни народа, его повседневных забот и тягот, не касаются в своих произведениях жгучих, злободневных проблем. Ошутимо в нашей литературе и влияние модернизма, особенно в поэзии, но это влияние не стоит преувеличивать.

В финской литературе оформилось течение, условно говоря, «пролетарских» писателей, стремящихся писать о трудовом народе, о широких слоях населения. В последние годы, — продолжил Инто Каллио, — в литературе появилось много талантливых писателей, которые хотя и пишут о реальной действительности, на деле далеки от жизни народа, его повседневных забот и тягот, не касаются в своих произведениях жгучих, злободневных проблем. Ошутимо в нашей литературе и влияние модернизма, особенно в поэзии, но это влияние не стоит преувеличивать.

В финской литературе оформилось течение, условно говоря, «пролетарских» писателей, стремящихся писать о трудовом народе, о широких слоях населения. В последние годы, — продолжил Инто Каллио, — в литературе появилось много талантливых писателей, которые хотя и пишут о реальной действительности, на деле далеки от жизни народа, его повседневных забот и тягот, не касаются в своих произведениях жгучих, злободневных проблем. Ошутимо в нашей литературе и влияние модернизма, особенно в поэзии, но это влияние не стоит преувеличивать.

В финской литературе оформилось течение, условно говоря, «пролетарских» писателей, стремящихся писать о трудовом народе, о широких слоях населения. В последние годы, — продолжил Инто Каллио, — в литературе появилось много талантливых писателей, которые хотя и пишут о реальной действительности, на деле далеки от жизни народа, его повседневных забот и тягот, не касаются в своих произведениях жгучих, злободневных проблем. Ошутимо в нашей литературе и влияние модернизма, особенно в поэзии, но это влияние не стоит преувеличивать.

В финской литературе оформилось течение, условно говоря, «пролетарских» писателей, стремящихся писать о трудовом народе, о широких слоях населения. В последние годы, — продолжил Инто Каллио, — в литературе появилось много талантливых писателей, которые хотя и пишут о реальной действительности, на деле далеки от жизни народа, его повседневных забот и тягот, не касаются в своих произведениях жгучих, злободневных проблем. Ошутимо в нашей литературе и влияние модернизма, особенно в поэзии, но это влияние не стоит преувеличивать.

В финской литературе оформилось течение, условно говоря, «пролетарских» писателей, стремящихся писать о трудовом народе, о широких слоях населения. В последние годы, — продолжил Инто Каллио, — в литературе появилось много талантливых писателей, которые хотя и пишут о реальной действительности, на деле далеки от жизни народа, его повседневных забот и тягот, не касаются в своих произведениях жгучих, злободневных проблем. Ошутимо в нашей литературе и влияние модернизма, особенно в поэзии, но это влияние не стоит преувеличивать.

В финской литературе оформилось течение, условно говоря, «пролетарских» писателей, стремящихся писать о трудовом народе, о широких слоях населения. В последние годы, — продолжил Инто Каллио, — в литературе появилось много талантливых писателей, которые хотя и пишут о реальной действительности, на деле далеки от жизни народа, его повседневных забот и тягот, не касаются в своих произведениях жгучих, злободневных проблем. Ошутимо в нашей литературе и влияние модернизма, особенно в поэзии, но это влияние не стоит преувеличивать.

В финской литературе оформилось течение, условно говоря, «пролетарских» писателей, стремящихся писать о трудовом народе, о широких слоях населения. В последние годы, — продолжил Инто Каллио, — в литературе появилось много талантливых писателей, которые хотя и пишут о реальной действительности, на деле далеки от жизни народа, его повседневных забот и тягот, не касаются в своих произведениях жгучих, злободневных проблем. Ошутимо в нашей литературе и влияние модернизма, особенно в поэзии, но это влияние не стоит преувеличивать.

Инто Каллио рассказывает

борьбы рабочего класса Финляндии. Наиболее известные писатели этого направления — поэт Арво Туртинен и Эльви Сьерво, выступающая и с прозой, и с поэтическими произведениями.

Писатель может многое рассказать о литературе своей страны, заметил Инто Каллио, но я называю еще лишь несколько книг финских авторов, пользующихся наибольшей популярностью среди читателей. Это сатирический роман Вейко Хуонинена «Трубка мира». Автор направил свою книгу против сил, стремящихся к новой войне. «Трубка мира» написана в манере гротеска. Роман Вяйне Линна «Неизвестный солдат» — произведение, не раз издававшееся в Финляндии. Основной пафос этой книги, посвященной прошедшей войне, — в изображении тех трудностей и страданий, которые выпали на долю простого человека, когда он вынужден надеть солдатскую форму. В финской поэзии последнее время наиболее заметное явление, на мой взгляд, — сборник стихотворений Эльви Сьерво «Девичий колодезь». Поэтка пишет о жизни трудового человека, о молодом поколении нашей страны, его стремлениях и желаниях, о... Впрочем, вы знаете, содержание стихов очень трудно, почти невозможно пересказать обычными словами.

В заключение Инто Каллио поделился своими творческими планами:

— Я много лет работал простым рабочим, лишь последние несколько лет занял исключительно литературным трудом. В прошлом я издал роман «Обратно — к жизни!» — о судьбе финского рабочего в тридцатые годы. Мною закончен другой роман, который будет называться «Накануне» и который, я надеюсь, будет издан осенью. Если сформулировать тему этой книги, то можно было бы сказать так: коммунисты и социал-демократы в рабочем движении. Моя следующая книга будет посвящена прошлому — Финляндия 1917—1918 гг.

Рис. Бор. Ефимова

О ПРУДКОВ БАНДА ДЭЙВА БЕКА

РАСЦВЕТ «РАКЕТА»

Два десятка лет тому назад Илья и Петров свидетельствовали в «Одноэтажной Америке», что «ракет — самая важная и доходная профессия, если ее можно назвать профессией. Нет почти ни одного вида человеческой деятельности, которого бы не коснулись ракеты. В магазинах входят широкое плечо молодые люди в светлых шляпах и просят, чтобы торговец аккуратно, каждый месяц, платил им, молодым людям в светлых шляпах, дань. Тогда они постараются уменьшить налог, который торговец уплачивает государству. Если торговец не соглашается, молодые люди вынимают ручные пулеметы (машин-ган) и принимают стрельбу в прилавок. Тогда торговец соглашается. Это — ракет».

Среди многочисленных разновидностей «ракеты» авторы «Одноэтажной Америки» упомянули о вымогательстве профсоюзных боссов. «Работники желтых профсоюзов», — рассказывали Илья и Петров, — получают от фабрикантов деньги за срыв забастовки. У рабочих они же получают деньги за то, что устраивают на работу».

«Ракет» в профсоюзах с тех пор пышно расцвел, принял самые разнообразные и зловещие формы. Разбогатевшая профсоюзная верхушка пренебрегает к помощи уголовного мира для сохранения власти, для сохранения возможности эксплуатировать рабочий класс.

В одном из номеров журнала «Америка» был недавно помещен умильно-восторженный очерк о том, какая необыкновенная любовь связывает предпринимателей, профсоюзных деятелей и рабочих, какой мир и гармония царят в их отношениях. Подобного рода утверждения — редкость. Они составляют важную часть пропаганды о якобы уже достигнутом в США «классовом мире». Однако этот «мир» — плод чистой фантазии. В этом легко убедиться, даже взглянув в другие американские журналы.

Вот, например, журнал «Лайф». С его страниц смотрят на читателя люди, вершащие судьбами американского рабочего движения. Это руководители отделения профсоюза шоферов грузовых машин и складских рабочих в западных штатах Брюстер, назначенный Реджинальд Майкелс, председатель всего союза Дэйв Бек, а также Лэнгли — окружной прокурор в Портленде (штат Орегон). Они предстали недавно перед сенатской комиссией, которая расследует мошенничества в профсоюзах. Выскрились вопиющие факты организованного грабежа рабочих, грабежа с помощью уголовных элементов, которые в нынешней Америке, по признанию другого американского журна-

ла «Лук», представляют собой «шайку людей с намянутовыми ногами, заседающих в роскошных конторах больших городов, тайно запускающих лапы в профсоюзы, промышленность и правительственный аппарат».

Когда Дэйву Беку было предъявлено обвинение в мошенничестве, он заявил, что намерен отстаивать один миллион долларов из профсоюзных средств, чтобы народ узнал «правду» о его деятельности. Но настоящая правда о теневых махинациях Бека всплыла на поверхность, и теперь ее не утопить даже с помощью миллиона долларов, украденного из рабочего кармана.

Бек давно пользуется известностью как штрейкбрехер и специалист «по трудовым отношениям». Этот решительный и вальяжный человек с незудким выражением лица в течение тридцати лет упорно карабкался к верхней ступеньке иерархической лестницы — к посту председателя могущественного профсоюза шоферов грузовых машин и складских рабочих. Он стал также вице-председателем АФТ (Американской федерации труда), а затем объединенного профсоюза АФТ—КПП (Конгресс производственных профсоюзов).

По признанию Кэри — одного из лидеров американского рабочего движения, «некоторые профсоюзные лидеры хотят жить, как хозяева бизнеса». Это в полной мере относится к Беку. Он не стеснялся в средствах. Пять миллионов долларов было взято из профсоюзной кассы на сооружение роскошного здания, одного из лучших в Вашингтоне, здания, расположенного в пяти минутах ходьбы от Капитолия. Здесь разместился штаб профсоюза, здесь Бек оборудовал себе кабинет с видом на тот же Капитолий. А вблизи штаба возвышается его «собственный» 18-этажный дом.

Зарплата Бека — 50 000 долларов в год. Около 400 000 долларов взял он из профсоюзной кассы без всяких расписок, без всяких счетов. Он выстроил себе роскошную виллу стоимостью в 163 тысячи долларов, ездил с семьей в путешествие за счет профсоюза. Чикагский «консультант по трудовым отношениям» Натан Шефферман, который вел дела Бека, оплачивал его счета на десятки тысяч долларов за одежду, предметы домашнего обихода и т. п.

Как все это удавалось Беку? На этот вопрос откровенно отвечает журнал «Лайф»: «Главным фактором в карьере Бека была, конечно, поддержка бизнесменов, которые восхитились им как «государственным деятелем в профсоюзах». Они попросту имели в виду, что с ним всегда можно говорить».

Но что же общего у Дэйва Бека с рядовыми рабочими? Ничего. Он типичный представитель аристократии, закупленной монополией. Бек, ворующий деньги, утопающий в роскоши, находится в одном лагере с рокфеллерами и меллонами. Его скандальная история лишней раз показывает, насколько тесно профсоюзная бюрократия срослась с бизнесом, усвоила его повадки. Она показывает, в какой сложнейшей обстановке приходится жить и бороться за свои права американским трудящимся.

Дэйв Бек — глава банды. Франк Брюстер и Джеймс Хоффа — его подручные. Они были непосредственно связаны с ракетами и гангстерами, с политической мафиной.

История сговора профсоюзников, политиканов и ракетами рассказал в сенатской комиссии Элкин, содержатель игорных домов, ночных клубов и притонов разврата. Брюстер, который получал от профсоюза зарплату в 26 500 долларов, участвовал в ракетах предприятий. В кассе после его пребывания назначаем не достигались свыше 700 000 долларов. Брюстер провел на пост окружного прокурора Лэнгли, оплатил ему отпуск и ежемесячную сумму денег. В благодарность Лэнгли покрывал ракетами деятельность Брюстера и Элкина. Мэр Портленда (штат Орегон) и его заместители — тоже ставленники профсоюзных боссов. — Я делаю мэров и сорочу мэров, — хвастался Брюстер в беседе с Элкином. — Я делаю начальников полиции и сорочу начальников полиции».

Хоффа, как подчеркивает журнал «Лайф», «также использует профсоюз как «дорогу к богатству». Он участник многих предприятий, нефтяных компаний, скаковых конюшен, страховых фирм. Часть его интимных друзей шло ему привести в тюрьму, где отбывал наказание. Один из приближенных Хоффа — Дорффман, в прошлом соратник Аль Капоне. Другой, Бреннан, известен как специалист по взаимному взяткам с предпринимателями за прекращение забастовки.

Угрозы, Шантаж. Убийства. Таковы методы банды Бека и других им подобных. Хоффа завязал тесные связи с другим гангстерским профсоюзом — портовых грузчиков восточного побережья. В этом профсоюзе работали преимущественно выходцы из Сингапура. Многие из них — смертники, по несчастливой случайности избежавшие электрического стула. Они беспощадно расправляются со всеми, кто осмелится возвысить свой голос против профсоюзных боссов. Люди исчезают заодно и бесследно. Гангстеры овладели

совершенной техникой сокрытия убийств. Труп помещают в бочонок с жидким, быстро затвердевающим цементом или известью. Так, например, тело Питера Панто было найдено спустя год после убийства в глыбе известня, в устье реки. С помощью рентгеновых лучей в этой глыбе обнаружены останки человеческого тела. Несколько лет тому назад после оглушительного скандала лидер этого профсоюза Райан был обвинен в краже 45 000 долларов из профсоюзной кассы и вышел в отставку. Четвертый год он находится под следствием, получая от профсоюза пожизненную пенсию 10 000 долларов в год. А тем временем шесть тысяч преступников, среди которых виднейшее место занимает Тони Анастасия — брат знаменитого гангстера, по-прежнему проводят в жизнь жесточайшую систему террора, грабежа и эксплуатации. Эта «система» процветает и в профсоюзах шоферов, где «банды» Бека организована по военному порядку.

Вполне справедлив вывод французского журналиста Раймона Картье, сделанный им после анализа положения в американских профсоюзах. Он писал в «Пари-матч»: «Если научитесь разбираться в делах всех больших рабочих организаций, то в каждой из них обнаружат разжиревших, как свиней, руководителей, рабочих в вечном страхе и направляющую руку гангстеров. И все станет понятно, что коррупция существует в каждом городском учреждении и в политике».

Сенатор Ивс сказал: «Все американцы потрясены доказательством того, что в рабочем движении подвизываются уголовники». Конечно, гнев охватывает каждого честного человека, когда он узнает о преступлениях, совершающихся под эгидой профсоюзного движения. Но дело, конечно, здесь не в провиновавшихся лидерах. Гниение обусловлено самой системой эксплуатации рабочего.

«Ньюсуик» пишет, что деятельность профсоюзных лидеров это «большой бизнес». На этот раз утверждение журналиста правильно. Закон джунглей, определяющий мораль бизнесмена, усвоен лидерами профсоюзов. Здесь появились свои наушуды, описанные Драйвером, каувуды для брагающих чиникания, беззастенчиво грабящие трудящихся. Каждый рабочий подвергается двойной процедуре выворачивания карманов. У него крадут и капиталист, и профсоюзный босс. Лидеры профсоюза портовых рабочих, например, разработали систему поборов, взимают деньги за право получить работу. Докеры должны уплатить представителю профсоюза от 3 до 10 долларов, а иногда приходится еще делать специальные взносы. В итоге докеры впадают нищенское существование и вдобавок полностью зависят от произвола профсоюзных ракетами. Профбоссы на-

живаются также на предательстве интеллигентных рабочих: они получают от предпринимателей взятки за прекращение забастовки. Лидеры местных отделений профсоюза шоферов грузовых машин в Миннеаполисе Бреннан и Джоргенсон не так давно были уличены в том, что получили от компании взятку за прекращение забастовки.

Огромное жалование, воровство, роскошная жизнь — путешествия, дорогие виллы, современные машины — все это происходит на фоне прогрессирующего разорения рабочего, ухудшения материального положения трудящихся. Газета «Пост диспетч» не так давно писала, что в США 4 миллиона человек буквально голодают, у них нет средств, чтобы приобрести себе продовольствие. А сколько семей живет впроголодь! В этом году, как показывают официальные данные, стоимость жизни в стране непрерывно растет.

Лучшие прогрессивные элементы в американском профсоюзном движении борются за права рабочего класса. Переродившаяся верхушка подчас вынуждена идти на какие-то уступки трудящимся. Но против прогрессивных элементов в профсоюзах идет борьба, их стремятся всячески подавить. Именно против них, а не против ракетами и мошенников направляют свои усилия лидеры АФТ — КПП. Недавно на съезде Американского объединенного профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности была принята резолюция, которая усиливает репрессии против прогрессивных элементов. Хоффа знал, что сказать, когда он однажды заявил: «В одном вам меня никогда не обвинят, — это в коммунизме». Ведь именно это является в Америке наиболее тяжким обвинением.

Американская печать полна подробностей «расклевывания» мошенничеств в профсоюзах предпринимателями сенатской комиссией Маккеллана. Однако руководитель профсоюза портовых грузчиков и складских рабочих в Сан-Франциско

Бриджес, осудив Бека, заявил, что производство комиссией Маккеллана расследование ракетами в профсоюзах ведется не в интересах рабочего класса. Бриджес сомневается в искренности намерений искоренить ракетами в профсоюзах.

Ни Мини, ни Рейтер, ни другие лидеры АФТ — КПП не делают ничего решительного, чтобы искоренить ракетами, хотя им пришлось недавно отстранить Бека с поста вице-председателя АФТ — КПП. Как писал Уильям Фостер, на протяжении всей своей истории «бюрократический профсоюзный аппарат» был камнем на шее рабочего движения. Все эти реакционеры открыто защищали капитализм и представляли собой политическое оружие капиталистических партий».

Приведенная в начале статьи цитата из «Одноэтажной Америки» почти текстуально совпадает с описанием деятельности профсоюзных ракетами, данным недавно журналом «Форчун». Что же еще теперь нового в профсоюзном движении? — вопрошает журнал. И отвечает — новость: журнал признает, что никогда еще практика профсоюзных гангстеров не была столь обширна. Но «Форчун» и вся печать, подымавшая шумиху вокруг скандала с Бекем, пытаются уверить читателей в том, что дело здесь в Беке, в Хоффа, в Брюстере — в отдельных разложившихся представителях профсоюзной верхушки. Ложи! Дело в самой капиталистической системе, которая порождает такие чудовищные явления, которая уже не может больше существовать без применения грубой силы, обмана и вымогательства. «Американский образ жизни» для своей защиты нуждается в гангстерах и ракетами. Таково существование скандала, таково происхождение банды Бека. Четыре человека, смотрящие на нас со страниц журнала «Лайф», — олицетворение мира, в котором стираются грани между бизнесом, воротилками профсоюзов, политиканами и преступниками.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.